

Н. Б. Граматчикова

**«ИЗОБИЛИЕ» И «БЕДНОСТЬ» В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ
С. В. МАКСИМОВА «ЛЕСНАЯ ГЛУШЬ» И «ГОД НА СЕВЕРЕ»***

Сергей Васильевич Максимов (1831–1901) прожил чрезвычайно насыщенную жизнь путешественника и писателя-этнографа. Собрание его сочинений насчитывает 20 томов, каждый из которых был результатом поездок и «экскурсий» автора по губерниям России, от Москвы и Санкт-Петербурга до Онежского озера и Печоры, Сибири и Дальнего Востока.

С. Максимов стоял у истоков жанра беллетризованной этнографии, находящейся на стыке литературы и науки. Как писатель он многословен, что проистекает из неумной жажды жизни, неиссякаемого интереса к живой действительности и желания поделиться своими наблюдениями и открытиями. Его очерки информативны и занимательны, рассчитаны на самый широкий читательский круг. Они знакомили Россию с ее собственной «глубинкой», с ее внутренними «колониями». Книга очерков «Лесная глушь» (1871) отразила впечатления первого пешего странствования автора по Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям в 1855 г. Очерки сборника «Год на Севере» (1859) оказались итогом этнографической экспедиции к Белому морю.

Точкой отсчета в размышлениях о специфике сопряжения в текстах С. Максимова концептов «бедность» и «изобилие» явился для нас очерк «Грибовник» (из книги «Лесная глушь»), где в рассказе о «странных» и скрытных существах — грибах — содержится, как в их спорах, значительная часть того, что определяет своеобразие художественного мира Максимова-этнографа. Городок Парфентьев, разжалованный в посады, согласно Максиму, сокрыт в самой сердцевине российской лесной глухомани на реке Нее. Вокруг него — места, сохранившие память о древнейшей истории заселения славянами

земель народа меря. Старинные названия отражают драматическую историю края, напасти и беды, подстерегавшие пришельцев. Леса очаровывают своей силой и подавляют мощью. «Очень нетрудно найти такие пункты, с которых леса кажутся в таком изобилии (здесь и далее подчеркивания в цитатах мои — Н. Г.), что будто разлилось лесное море, среди которого даже не видать и этих белеющих островов с лугами и селениями. Огромное беспредельное море лесов, среди которого становится даже положительно страшно...»¹ В лесах сконцентрирована охранительная мощь земли: они стоят на страже эпидемий, регулируют баланс ветров и сырости. И жители сосновых боров пользуются этим даром вволю: холера не раз останавливалась всего в десятках верст от целительных лесов, долголетие обитателей резко бросается в глаза: «бывший посадский церковный староста Роман Абрамыч... умер 110 лет, его соседка по избам — 122...» (85). Леса останавливают не только холеру. Они разделяют поселения. Дороги здесь, как пишет автор, «отчаянные» (85). Само время как бы вязнет, не в силах прорваться сквозь густую лесную завесу. Под покровом елей и сосен часть рек сохраняет свои инородческие названия: Нея, Сомбас, Вохтома, Кужбал, Монза. Однако победители местных лесов и племен в награду могут оставить свое имя потомству, чтобы оно свидетельствовало «о силе натиска и распространения русского племени».² Леса остаются, когда разрушается построенное людьми: на месте монастыря — «кладбище с десятком необычайно древних сосен», руины дома воеводы скрывает «кочок такой же рощи».³

Итак, уже в начале очерка автор задает все основные линии своего повествования, ко-

Граматчикова Наталья Борисовна — к.филол.н., доцент кафедры фольклора и древней литературы Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

E-mail: granataly@k66.ru

* Исследование выполнено в рамках интеграционного проекта УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX — первой трети XX вв.»

¹ Максимов С. В. Грибовник // Максимов С. В. Избранное / подгот. текста, сост., вступ. ст., примеч. С. И. Плеханова. М., 1981. С. 84. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

² «Вот с поля на поле Лошково и Свателово, вот Трифоново, Нечаево, Савино, Федюнино, да и Федюшино, Ефимово, Семеново, Павлово, Еремейцево, Сидоровское и т. д. в бесконечность — все по именам первых выселенцев. Только в верховьях реки, в самой глуши лесов, и удалось удержаться названиям по языку более древнего народа, аборигена тех мест...» (Там же. С. 80, 81).

³ Там же.

торые будут и впредь интересовать его: описание природных и климатических условий, пристальное внимание к топонимике и языку в целом, обзор исторической ретроспективы места. Все, что упоминает Максимов, стремится к размножению и увеличению. Земля в его очерках с неизбежностью порождает изобилие — не всего сразу, но чего-то конкретного в данном конкретном месте: леса ли, пространства ли, человеческих типов, животных и т. д.⁴ Под пером Максимова «уплотняется» география и «удревняется», насыщаясь иноэтническим контекстом, история. Примером может служить экскурс в историю племени меря («Грибовник»). Это историческое, временное измерение очерков поддерживается неизменным авторским интересом к истории языка, к жизни слов во времени. В жанровом отношении описания явлений, на которых автор останавливает свой взор, неуклонно приобретают свойства «оды в прозе».⁵

Бок о бок с *изобилием* в текстах Максимова соседствует человеческая *бедность*. Среди безбрежного моря лесов, пишет автор в очерке «Грибовник», «...бедность жителей поражает всякого при первом взгляде: нет ни одного каменного дома, а большая часть деревянных прогнили до слез, покривились и полуразрушились. На слободку подле кладбища... и глядеть больно: как заселилась она в древности по обычаю самым бедным людям, не ужившимся в посаде, так и теперь на большую половину застроена старыми срубами... Наряд жителей до сих еще пор на большую часть шьется из домотканых материй... много наставок, лоскутков и рвани довольно <...> окрестные крестьяне все сплошь обуты в дешевый продукт березового и липового дерева: в шептуны и лапти. Словом сказать, посадская бедность сквозит отовсюду» (85).

Среди главных причин бедности в Парфентьеве названы две — климат и пьянство мужиков. Земельные наделы малы, ими нельзя спастись: «земля холодна», и «климат суров». С трудом вызревают овес, ячмень, рожь, лен («один затейник-барин в 4 верстах по соседству пробовал за лесом высеять гречку, да на другой год уж и не убытчился, не сеял»); урожая скудные, а каждый шестой год всегда

голодный, удобренная щедро земля «не поднимает даже такой благодатной овощи, как огурцы». «В базарном шуме прорывается ясно вопль отчаяния голодовки окрестного люда, а посадских людей всех звончее и отчаянее» (86). Спасение большинства — отхожие промыслы; оставшиеся промышляют воровством и ловлей кошек. Но есть и те, кто удерживается дома крайней нуждой, безысходной бедностью. Их жизнь поставлена в полную зависимость от природных сил. Однако леса и климат, делающие невозможным прожитие с одних лишь полей и собственных огородов, дарят «домоседам» грибы и ягоды. «...В урожае грибов все спасение и вся надежда посадских домоседов и старожилков. А так как не всякий год на них урожай, а надежды сосредотачиваются в этом пункте в большой массе, то и понятны та бедность и бездолье, которые резко и характерно бросаются в глаза» (89). Этот древнейший промысел, оказывается, способен прокормить целую область России, которая твердо опирается «на обилие постных дней» (90).

Грибной промысел как данный *в дар* способ выживания на этой земле обладает «всеми свойствами первобытного сколько по замыслу, столько и по исполнению» (91), вовлекая в себя все население, от мала до велика. «Древний характер промысла выдает древний же обычай сохранять их (грибы — *Н. Г.*) в лесу в общинном нейтральном и неделеном владении. Рубить дрова нельзя, но ломать грибы не запрещается» (91). Массовый сбор и последующая сушка грибов требуют большого количества дров, которые, к счастью, в этом краю «не имеют почти никакой цены».

Как и другие традиционные промыслы, грибной перестраивает всю человеческую жизнь. Грибники выносливы, памятьливы, зорки. Следуя своему обычному приему, Максимов сменяет очерковую панорамность крупным планом: обращаясь к «отдельному представителю» — «грибному охотнику», он знакомит читателя с Иваном Михеичем, первым грибовником, знатоком своего дела, вся жизнь которого определяется грибным календарем. Храня тайну грибных мест, он охотно делится знаниями о грибах: «...сморчок только и годен как снедь пока не прогремит первый гром. После того в гриб этот... заползает змея и пускает яду, отчего сморчок начинает гнить и пропадает до новой весны» (95). Так, парадоксальным образом, в поэтике Максимова

⁴ Впрочем, у С. Максимова есть примеры и «рукотворного» изобилия: описание Нижегородской ярмарки в одноименном очерке («Лесная глушь») — ярчайший тому пример.

⁵ Так, прославление бересты открывает очерк «Берестяная книга» («Лесная глушь»).

грибы как бы уравниваются с персонажами-людьми. В художественном мире Максимова все становится носителем порождающей силы земли, все наделяется характером, даже грибы: хитрый и умный белый гриб, сыроежки, растущие «без разбору», благодатный масленок. Эту черту поэтики Максимова-этнографа (проистекающую, на наш взгляд, более из свойств его личности, чем из художественных установок) подчеркивает рассказ «Пастух», в котором продолжается сюжет очерка «Грибовник»: автор, заблудившись в лесу во время сбора грибов, встречает молодого мужчину, стерегущего стадо.

Пастушество в Костромской губернии — «позорное занятие», причиной чего является почти мифическое изобилие, присущее миру от создания: «Лесов еще так изобильно-много, что сделать загороди решительно ничего не стоит, а потому загороди кругом пахоты и огородов тянутся на целые десятки верст... К тому же, в угодьях такой простор, что вовсе не трудно отводить под выгоны места подалее от полей и лугов... Скотина пасется на божьей воле и господнем просторе сама по себе» (95).

Для пастуха разные виды домашних и диких животных обладают ярко выраженными характерологическими свойствами. Примечательно, что характеры и привычки животных описываются отнюдь не с утилитарной позиции, они открываются лишь внимательному наблюдателю. Журавли похожи на людей: «У них в артеле завсегда есть сторож чередной. Коли все прикурнут, стоит он на одной ноге и другую переменяет и не спит, а зачуял что да завопил по-своему, так все и переполошутся» (102). Благожелателен тон рассказа о корове, которая «во всем стаде всех спокойнее. Ей куда велишь — туда и пошла, а то лежит в тени, никого не замает и всегда, помни, на старое место ложится» (103). Больше хлопот со свиньей: «...во всякую воду без разбору лезет и лежит она в этой воде — только покрывает. А подыми ее, попробуй; да хоть сто палок обломай — ни за что не поворишь. Того гляди, еще злость ее возьмет, проклятую, так и уноси бог ноги» (103).

С неожиданной стороны открывается характер ленивой и незащитной на вид свиньи при встрече свиного стада с волком. Их схватка представлена с поистине эпическим размахом. «Ухватил когда волк поросенка, что ли, какого в стаде, да завизжал этот поросенок, то будь свиньи хоть за двою гон — прибегут к вол-

ку. Они ни на реки, ни на озера попутные не посмотрят. Отобьют своего детища, да и встанут кучей: поросят собьют в середку, задами да спинами своими вместе сотрутся, и попробуй волк, вырви поросенка! Уж и ходит же он, сердешный, долго ходит... <...> Иные боровья до того свирепеют, что из ватаги ино выскакивают. Клык наострит, слышь, да и метнется за волком вдогонку, отбежит, знаешь, немного, а себя-таки помнит; сейчас и назад и опять задом в артель вотрется. <...> Зато уж и ушел хоть волк, не скоро свиньи разойдутся из кучи. Тут им человек не попадайся — всего изорвут. Значит, и тебя принимают за волка. Лягут они после того в озеро, так ты в трубы труби — не подынешь, пар так и валит, хоть на ночь оставляй, ровно, слышь, в бане были... Хрюкотня такая пойдет, что коров и овец переполошат, во как!» (104).

В полной мере очеловечены и хищники (волки и медведи). А в очерке «Сергач» обученный медведь фактически заменяет герою утраченную со смертью жены семью.

Итак, мир в очерках С. Максимова населен разнообразно и изобильно. В нем нет привычного и скучного. При таком наполнении художественного мира вопрошание о бедности людей, живущих на этой земле, становится далеко не праздным. Безусловно, суровый климат и повсеместное пьянство — реальность, подрывающая благосостояние. И все же смысловое поле «изобилия» у Максимова настолько богато разработано, что отсутствие какого-либо художественного коррелята в виде концепта «богатства» или «достатка» заставляет продолжать поиски ответов, которые были бы адекватны самой художественной ткани очерков. В этом случае противопоставлять нищету народа и его талантливость⁶ кажется упрощением проблемы.

Надо сказать, что бедность привычна для С. В. Максимова. Он происходил из семьи весьма скромного достатка и, даже став известным очеркистом, сталкивался с проблемой поиска средств перед каждой своей экспедицией. «Начинать исследования приходится, стало быть, снова... с обязательными неудачами при

⁶ В статье А. Л. Фокеева, посвященной творчеству С. В. Максимова, есть, в целом, справедливая, но более констатирующая, чем проясняющая проблему, фраза о том, что писатель создает «собираемый образ родины с ее природой и по-нищенски бедным, но умным и щедро-талантливым народом» (Фокеев А. Л. Сергей Васильевич Максимов. Биография. Анализ произведений // Издательство «Лицей»: <http://www.licey.net/lit/znamenie/maksimov>).

торопливых работах, когда приходится брать не то, что хочется, а то, что дадут Христа-ради, на бедность».⁷

Изобилие, предлагаемое северной природой, специфично: это не изобилие всего или даже многого, но изобилие нескольких вещей, явлений или материалов в данном конкретном месте. Например, хвойного леса, воды и бересты. И герои Максимова постоянно придумывают способы выживания, используя то, что есть, для всего, что необходимо для жизни. Чем точнее «вписан» его герой в созданную природой «нишу», тем результат примечательнее и достойнее. Подтверждения тому легко найти почти во всех очерках Максимова. Однако и в этом случае речь не идет о богатстве, так как есть и другие факторы, сводящие достойную восхищения адаптивность населения к единственно возможной форме выживания. Пожалуй, самым серьезным из этих факторов является высокая сезонность даров природы. Это именно «манна небесная», которая дает возможность насытиться только сегодня. Даровый характер средств существования также препятствует целенаправленным усилиям по построению каких-либо «стратегий сохранения» даров. Все ведет к тому, что герои у Максимова каждодневно сознают свою зависимость от этого Божьего дара, что выражается в присказке одного из его любимых героев, «печорского князя» Евсевия Осиповича Палавандова: «Живем все больше рыбкой; не сами себя кормим, Бог нас кормит» (1, 376).

О взаимоотношениях человека с созданным Творцом изобилием, способах его проявления и последствиях, изображенных в очерках Максимова, можно говорить особо. В контексте наших размышлений важен постоянный разительный контраст между силами природы и человеческими усилиями. Обратим внимание на несколько эпизодов из очерка «Печорский князь», раскрывающих специфику отношений человека и мира.

Вот поваленная лиственница, брошенное в лесу дерево-великан. Расспросы быстро выявляют виновного: на обеде во время ловли рыбы мужики «увидали эту самую лесину: сколь, мол, она хороша!», схватились за топоры, повалили ее на матицы для новой избы, а вывезти не смогли — «силушки... не хватило трем ло-

шадям в упор. Перли, перли, все плечи изодрали — не поддается» (1, 386). Бросили гнить.

Краса и гордость северных лесов — кедр. В урожайные годы сбор шишек — бабье дело. «Они вот этакого остолопа возьмут с собою, и он, чтоб угодить бабам и понравиться, возьмет да и срубит благородное дерево. <...> Соберу их, чтобы избранить и застрашать, а иная воструха на мои слова и на глазах вынет из кармана орешки и щелкает; назвать-то плод не умеют — зовут гнидами, а щелкают, как настоящие белки, в глазах рябит. И здесь плюнешь и отойдешь прочь» (1, 386, 387).

Рыбаки либо охотники разводят костры, «и ни один еще из них огня не тушил. Леса горят во всех сторонах, и летним временем только о пожарах и слышишь. <...> Выбрал я из охотников самого мудрого, степенного человека. Глубоко я его уважал за рассудительность, за солидные и чистые дела, толковал с ним очень долго... Стали сводить к концу, он и говорит: “Напрасно, князь, пишешь! <...> Да тушить огонь, — говорит, — самое пустое дело и труд не в прибыль: Печорский край никогда не может совершенно выгореть!” Сказал он это, да еще ногой притопнул; значит, у них скреплено, и мирская печать приложена» (1, 387).

Регулярная возобновляемость подобного образа мыслей и действий заставляет говорить не о глупости и недалекости отдельных людей, а о сформировавшейся традиции отношения к природным богатствам. «Не баловство это... а такой неискоренимый обычай, закон какой-то повсеместный. Никакими наказаниями не наладишь. Надо в котлах новых людей вываривать, а старые и наличные все на один покрой и никуда не годятся», — считает князь Палавандов (1, 387).

Думается, речь здесь может идти об искаженной самим природным изобилием мере. Изобилие предполагает безмерность. Богатство — это чаша, наполненная до краев. Библейский образ «преисполненной чаши» (22-й псалом) указывает на источник этого изобилия вовне. «Стратегия трат» здесь трудно представить: «молочные реки» даны по милости и не зависят от людей. Сезоны изобилия кратки и даже не ежегодны. Даровый характер благ и их непредсказуемое территориальное распределение сохраняют древнейшие формы общинной собственности на лесные уголья и древнейшие обычаи общежития.

На наш взгляд, это постоянное сосуществование в тексте двух полярных концептов

⁷ Максимов С. В. Печорский князь // Максимов С. В. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1: Год на Севере. М., 1987. С. 364. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.

создает особое смысловое напряжение: как люди, мы ничего не можем взять «про запас», но и не брать не можем — человеку нужно жить, поэтому он часто отвоевывает, вырывает у природы необходимое для жизни, при этом забирая по бедности, повторим за Максимовым, «не то, что хочется, а то, что дадут».

Что же делать людям в ситуации изобилия того, что есть благо само по себе (как обилие света во время «белых ночей»), но при попытке «хозяйственного применения» требует недюжинных физических и моральных сил? Как жить людям, доведенным до крайней нужды, балансирующим на грани выживания? В «Грибовнике» есть очень примечательное восклицание: «Что же посадским мещанам остается делать посреди самых невыгодных условий и гражданского положения, и климатических неудобств? Да то же самое, что и прочему мещанству иных городов, поставленных даже и среди более благоприятной и счастливой обстановки!» (86). Иными словами, нужно двигаться, не стоять на месте, что-то придумывать.

Не будет преувеличением сказать, что на месте концептов «богатства» и «достатка» в очерках Максимова — практически «нулевая позиция». В его художественном мире человек не может, действуя накопительно, попасть из «бедности» в «достаток» и через него — в «богатство» и «изобилие». Очерк «Печорский князь» представляет фигуру, в полной мере овладевшую модусом жизни на сопряжении смысловых полей «бедности» и «изобилия». Это уже не раз упоминавшийся Евсевий Осипович Палавандов, реальная историческая личность, встреченная Максимовым во время поездки на Печору в Усть-Цыльме.

Этот человек, попавший по воле судьбы в северный суровый край из цветущей и благодатной Грузии, оказался истинным князем этой земли, взяв на попечение «целое государство европейское по количеству квадратных верст, весь Печорский край» (1, 384). Палавандов искренно и глубоко полюбил эту землю, видя жизнь и красоту там, где ожидают «повсюдную смерть». Слушая воодушевленные рассказы «добрейшего лесничего», Максимов видит и истинное положение вещей: обнажение летучего песка, от которого очень страдают и Пустозерск, и Усть-Цыльма; плохое качество древесины «по бесплодности и малой глубине почвы»; загроможденные участки валежником и буреломом, когда

«нет ни въезда, ни проезда»; леность лесной стражи; следы лесных пожаров. «Настоящий ученый лесничий (г. Боровский) пришел в отчаяние при виде этих лесов, где сотни самых отборных бревен, вырубленных для сплава на выбор, как корабельные, валяются без призора и сгнили до самой сердцевины» (1, 385). Итак, вчитываясь в описания Русского Севера, мы вновь оказываемся в поле динамичного сопряжения истощения и надрыва ресурсов и их потенциального или скрытого изобилия.

Весь образ жизни князя, как бы избранного печорцами для защиты и покровительства (раз «леса не убережь» — «охрани ты нас» (1, 387)), — это обмен дарами, происходящий на всех уровнях. Евсевий Осипович всецело погружен в интересы Печорского края: разрешает споры, помогает бедным, заботится о многочисленных крестниках и т. д. Князь легко принимает дары,⁸ и щедро делится своим человеческим вниманием и предупредительной заботой. Так, путешествующему этнографу были незамедлительно присланы все диковинки края: моржовые клыки, «мамонтовые рога», «курьезные каменные ядра с уверением, что они отваливаются от какой-то горы в тундре именно в этой поразительно правильной обточенной форме шаров...» (1, 395).

Князь Палавандов выполняет по отношению к этой местности ряд функций культурного героя. Он следит за состоянием природных угодий, «формирует реестр» достопримечательностей, лежащих пока в неизвестности, внедряет в обиход новые культуры: «...насаждал свеклы, редьки, моркови, гороху и, между прочим, картофеля. <...> На картофель искося поглядывали, прослышавши, что та овощь недобрая и в старых книгах проклятая. Князь высеял картофель в поле, осенила его благодать — уродился порядочным. Сеятель и насадитель переупрямил — теперь картофель и овощи стали выручать голодную страну, и огородничество оказалось важнее хлебопашества. Благодетель выписал свежих семян и раздарил охотникам. На следующий год они пришли и поклонились князю до самой земли» (1, 395). Тайно, без огласки, Евсевий Осипович присылает в дар автору свой уникальный, сши-

⁸ «Князь любил поесть вкусно, хотя и умеренно: ему несли все лучшее и любимое им. Никому не продадут, если он не откажется. Не купит князь — «возьми в подарок, сделай милость, Христа ради, из почтения, за великую твою доброту»» (1, 386).

тый из гагачьих шеек «вечный плащ», который тот похвалил мимоходом, не замедлив расстаться с вещью, верой и правдой служившей ему каждодневно, которая для проезжего явилась лишь «редкостною вещицей на память» (1, 395). Печорский князь примечателен тем, что живет в мире изобилия, творя

его своим отношением к окружающему миру. Он остается верен Печоре («Печора дала мне все, что не дала бы мне и родина» (1, 396)), восприняв ее как мать, а не мачеху, и найдя вечный покой на погосте церковной горюшки Усть-Цыльмы как своеобразный *genius loci* этого северного края.

Ключевые слова: *этнографический очерк, Русский Север, лес, бедность, богатство, изобилие, мера, безмерность*

Natalia B. Gramatchikova

Candidate of Philological Science, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *granataly@k66.ru*

“ABUNDANCE” AND “POVERTY” IN THE ETHNOGRAPHIC ESSAYS
BY S. V. MAKSIMOV “FOREST WILDERNESS” AND “A YEAR IN THE NORTH”

The author studied the concepts of “abundance” and “poverty” in the collection of essays by S. Maksimov “Forest Wilderness” (1817) and “A Year in the North” (1859). She analyzed the nature of relationship of man with the abundance of nature, methods of adaptation, and the contrast between the forces of nature and human efforts, as well as the reasons for the everlasting poverty of the population as presented in the Maksimov’s essays. According to the writer’s logic the notion of “abundance” was, first, introduced from the outside, and second, construed by the native attitude of the personages themselves to their environment, where not the least role was played by the notions of measure and immensity, which were distorted as a result of the abundance of the natural resources. The article made an attempt to explain the stepwise process of transition from poverty to abundance and generosity as opposed to the accumulative process.

Key words: *ethnographic sketch, the Russian North, the forest, poverty, wealth, abundance, measure the immensity of*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Maksimov S. V. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1981, 560 p.

Fokeev A. L. Available at: <http://www.licey.net/lit/znamenie/maksimov>.

Maksimov S. V. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1987, Vol. 1, 448 p.